

Ренессанс традиции: рецепция активной молодежью России традиционных ценностей

Иван Груздев

Директор по внутренним исследованиям и академическому развитию.

Директор Центра социологии высшего образования.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва).

Российская Федерация, 109028, г. Москва, Покровский б-р, 11.

E-mail: igruzdev@hse.ru

Сергей Старцев

Ведущий аналитик Центра внутреннего мониторинга.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва).

Российская Федерация, 109028, г. Москва, Покровский б-р, 11.

E-mail: sstartsev@hse.ru

Аннотация. Данное исследование посвящено анализу восприятия традиционных ценностей активной молодежью России. Авторы рассматривают историческую преемственность традиционных ценностей в российском обществе, начиная с советского периода и заканчивая современностью. На основе количественных и качественных данных, собранных во время Всемирного фестиваля молодежи 2024 года, исследуется отношение молодых людей к традиционным ценностям, обозначенным в Указе Президента РФ № 809. Результаты показывают, что большинство респондентов поддерживают эти ценности, причем степень поддержки коррелирует с позитивным восприятием положения России в мире и патриотическими настроениями. Авторы выделяют три группы молодежи по отношению к традиционным ценностям: апологеты, лоялисты и сомневающиеся. Исследование выявляет, что молодые люди не противопоставляют традиционные ценности и стремление к личному успеху, а скорее интегрируют их. В заключении подчеркивается важность дальнейшего изучения взаимодействия традиционных и современных ценностей в российском обществе и необходимость разработки четкой коммуникационной стратегии в отношении культурных ценностей при взаимодействии с молодежью.

Ключевые слова: традиции, традиционные ценности, молодежь, молодежные исследования

Для цитирования: Груздев И. А., Старцев С. В. (2024). Ренессанс традиции: рецепция активной молодежью России традиционных ценностей // Patria. Т. 1. № 1. С. 70–90.

Введение

Ценности представляют собой одну из ключевых проблем в социологии. Кризис, вызванный появлением новых культурных смыслов, развитием капитализма, индустриализацией и урбанизацией оказал значительное влияние на развитие социологической науки и специфического социологического мышления (Nisbet, 2017). В России ценности как основополагающий элемент общественной структуры регулярно привлекают внимание не только политиков, но и ученых.

Распад Советского Союза стал переломным моментом, который остро поставил вопрос о поиске новых смыслов. Масштаб и сложность этого поиска отражены в многочисленных исследованиях, которые рассматривают ценности и культуру в целом как основу для прогнозирования социально-

го развития (Лебедева, Ясин, 2009; Лебедева, Татарко, 2007; Вишневецкий, 1996; Матвеева, Федотова, 1994; Ионин, 2004; Ясин, 2003; Ядов, 1991). Потребность в определении четкой системы ценностей связана с общественной солидарностью через идею коллективной идентичности. Политическая необходимость поиска ценностей, которые были бы актуальны для российского общества, связана с тем, что они лежат в фундаменте этой идентичности, которая на данный момент проницаема и множественна (Marianna, 2014).

В России сейчас происходит очередной раунд актуализации идеи традиционных ценностей, которые направлены на решение конкретных социальных проблем: низкой рождаемости, оттока специалистов из национального рынка труда. Главная цель этого консервативного поворота – поиск объединяющей идеи и коллективной идентичности, которые смогли бы солидаризировать российское общество и отличить политический проект России от проектов других стран. Традиционные ценности, которые описываются как единая система, формируют общий консервативный ландшафт – именно такая позиция, отражена, например, в послании Президента Федеральному собранию в декабре 2013 года (Послание..., 2013) и Указе Президента 2022 г. (Указ..., 2022). Законодательные инициативы, реализуемые в контексте таких консервативных сообщений, применяются к политике в области семьи, социального обеспечения, благотворительности и многих других сфер частной и публичной жизни. Консерватизм, который является констелляцией традиционных ценностей, признается единственным эффективным механизмом от социальных и политических турбулентностей современного мира: этноцентризма, политики идентичности, секуляризации, национализма, кризиса семьи, геополитических и демографических изменений, то есть всего того, что обычно упаковывают под лейблом постмодерна (Ионин, 2010).

Задачи данного исследования разворачиваются в двух ключевых направлениях, каждое из которых имеет существенное значение для понимания современных социокультурных процессов в России. Во-первых, мы считаем крайне важным вновь актуализировать дискуссию о месте и формах ценностей в российском обществе. Эта задача обусловлена динамичными изменениями в глобальном и национальном контексте, которые неизбежно влияют на ценностные ориентации общества. Во-вторых, наше исследование нацелено на описание особенностей рецепции традиционных ценностей активной частью современной молодежи.

Специфика эмпирического объекта нашего исследования связана с участниками Всемирного фестиваля молодежи, прошедшего в Сочи в 2024 году. Выбор данной группы обусловлен рядом факторов, позволяющих рассматривать ее как часть наиболее активной части молодежи. Участники фестиваля – россияне и граждане других стран мира – прошли многоэтапный отбор, включающий оформление резюме и создание видео-визиток. На основании этого мы делаем вывод, что участники фестиваля представляют собой особую категорию молодых людей, чья рецепция традиционных ценностей может служить важным индикатором потенциала объединения вокруг этих ценностей более широких слоев молодежи.

Активная молодежь часто выступает в роли лидеров мнений, способных влиять на ценностные ориентации своих сверстников, что придает особую значимость изучению их отношения к традиционным ценностям. Анализ ценностных установок этой группы позволяет выявить наиболее устойчивые и значимые ценностные ориентиры, которые могут стать основой для формирования общенациональной идеи и укрепления социальной сплоченности. Таким образом, данное исследование не только вносит существенный вклад в академическую дискуссию о роли ценностей в современном российском обществе, но и предоставляет практически значимую информацию для разработки молодежной политики, образовательных программ и стратегий социокультурного развития страны в условиях глобальных вызовов и трансформаций.

Прежде чем перейти к описанию текущего положения дел, мы хотели бы обратить внимание на то, что традиционные ценности не являются изобретением российской политической элиты. Напротив, даже коммунистическую революцию и образование СССР можно считать манифестацией традиционализма. Исследование будет, таким образом, иметь следующую структуру: сначала мы покажем, что революционные изменения начала XX века, которые часто рассматриваются как антитрадиционалистские, оказываются очередным шагом консервирования российского общества, и даже временный вакуум, последовавший после распада Советского Союза, вновь оказался заполнен консервативными и традиционалистскими ценностями, несмотря на усилия модернизации (Вишневский, 1996). Последняя также будет критически рассмотрена с точки зрения различных оптик, которые предлагают разные ответы на вопрос о кризисе традиционных ценностей в условиях современного общества (Marsh, 2014).

Консервация ценностей в советском обществе

Революцию и утверждение Советского Союза заманчиво рассматривать как проекты, раз и навсегда порывающие – или хотя бы имеющие это в планах – с прошлым, имперским обществом. Церковь, прошлая организация семьи и труда, формы экономического хозяйства – все они резко подверглись структурным и содержательным переменам. Эти трансформации, однако, не стоит переоценивать. За количественным ростом, отражающим активную модернизацию – в привычном западном смысле в виде переселения из села в город, ростом индустриальной и сокращением сельской экономики, нуклеаризацию семьи, ростом продолжительности жизни и сокращением смертности – скрывается явное консервирование публичных и личных сфер жизни. Это связано с самой спецификой коммунистического проекта, который синтетически совмещал две самостоятельные тенденции: запрос на техническое обновление, развитие системы здравоохранения и образования, электрификацию и обновление самой социальной структуры (Gurian, 1948). Первая задача решалась прямым технологическим заимствованием и привлечением специалистов из стран Европы и Северной Америки (Вишневский, 1996). Вторая задача не могла решаться прямым трансфером, так как определенные смыслы и значения

напрямую признавались невозможными, «чужеродными» и «буржуазными» для будущего советского общества (Фицпатрик, 2018)¹.

Именно решение этой второй задачи часто рассматривается как радикальное изменение смыслов будущего советского общества, строительство всех его институтов с нуля: новые архитектурные веяния, эксперименты в литературе, театре и кино, утверждение новых форм семьи и жизни и их радикально отличное от прошлого содержание заставляет считать, что советское общество приняло новый идеал, новые, более подходящие для себя ценности. Исследователи, однако, доказывают, что рассматривать советскую власть как безусловную победу модерна – контрпродуктивное упрощение² (Дэвид-Фокс, 2020). Напротив, русская революция 1917 года очень быстро стала консервативной, так как все проекты, реализуемые большевиками, основывались на традиционных идеях: общинном крестьянском равенстве, справедливости, патриархальности³. Это в особенности относится к поздним большевикам, когда разговор необходимо было разворачивать из плоскости теоретических споров в направление реальных решений. В «Детской болезни левизны в коммунизме» Ленин писал, что «диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества» (Ленин, 1920: 10; курсив наш). Эти намерения, однако, достаточно быстро оказались утопическими фантазиями, которые не нашли большой поддержки среди большинства жителей страны – крестьянства. Такое осознание совпало с аппаратными чистками, результатом которых стало назначение людей, которые более трезво видят цели и будущее страны, видят их более традиционно, вертикально и самое главное – более консервативно (Fitzpatrick, 2015).

Можно возразить, что в отдельных случаях традиционные институты были успешно дискредитированы, и ярким примером такого института может служить церковь. Действительно, изъятие церковных ценностей и земель, разрушение храмов, лишение священнослужителей избирательных прав – все это говорит о том, что атака на традиционные институты имперского общества шла медленно, но верно. Однако, согласно данным Всесоюзной переписи населения, которая прошла в 1937 году, доля людей, которые отнесли себя к православным, составила 42%⁴ (Всесоюзная перепись населения..., 2022). В пользу такой частичной, инструментальной секуляризации на протяжении всей истории СССР говорят и другие исследования, которые подчеркивают тот факт, что религия и церковь никогда полностью не уходили из жизни советского общества, а становились тонкими инструментами отправления советской власти (Шкаровский, 1999).

Другие традиционные институты, обеспечивающие, например, историческую память, также никогда не исключались из фокуса народного образования СССР (Абакумов, 1974). Напротив, руководитель советских историков академик М. Н. Покровский утверждал, что из всего исторического наследия достойно изучения исключительно то, что соответствует политическим и идеологическим задачам. История не начиналась зано-

во, но своеобразно интерпретировалась так, как если бы можно было прочертить линию от Пугачева до пролетарских восстаний начала XX века. Фигура советского человека становилась не чем иным, как результатом комбинации инструментальных достоинств современного городского жителя – образованного, грамотного, гигиеничного, знакомого с техническими новшествами в области промышленности и сельского хозяйства – с коллективистскими крестьянскими добродетелями «соборного человека» (Левада, 1993).

Даже в молодежных организациях, в среде которых воспитание революционных идей, на первый взгляд, должно было быть наиболее простым, история не забывалась. Ценность прошлого для целей настоящего вообще никогда не отрицалась. Эта коллективная память в том числе действовала цементирующим элементом для особых форм коллективизма, свойственных, например, молодежным организациям СССР (Сгибнева, 2003). В уставе этих же молодежных организаций напрямую утверждались ценности, которые трудно интерпретировать иначе, как традиционные, особенно, если отбросить специфический коммунистический слог:

ВЛКСМ добивается, чтобы каждый комсомолец, каждый молодой человек во всей своей жизни свято выполнял ленинский завет «Учиться коммунизму» и соблюдал нравственные принципы, изложенные в Программе КПСС: любовь к социалистической Родине, к странам социализма; добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест; забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния; высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов; коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый – за всех, все – за одного; гуманные отношения и взаимное уважение между людьми; честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни; взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей (Устав ВЛКСМ, 1962).

Эти традиционные идеи, как мы попытались показать, продолжают влиять на российское общество и сегодня. Они не возникли внезапно как спонтанный ответ на институциональный кризис, наступивший после распада Советского Союза. Однако распад СССР и последующая «капитализация» России проблематизировали значение традиционных ценностей для российского общества. Ряд исследователей, особенно из числа сторонников теории модернизации, утверждали, что «вестернизация» (в самом широком смысле этого процесса: от способов экономического производства до ценностных образцов) оказывает угнетающее влияние на ценностный ландшафт модернизированного таким образом общества (Marsh, 2014; Alexander, 1995). Однако отношения модернизации и элемента традиции в ценностях тех или иных обществ не являются результатом простой зависимости в виду «больше-меньше» (Inglehart, Baker, 2000). Для более глубокого понимания роли модернизации, ориентализации и сопротивления ей в конкретных обществах мы предлагаем краткий, не претендующий на исчерпывающую полноту обзор полемики между сторонниками теории модернизации и теории неотрадиционализма.

Декаданс или ренессанс традиционных ценностей в современных обществах?

Теория модернизации, несмотря на различные нюансы, утверждает, что ключевым и предсказуемым результатом социальной модернизации, преимущественно связанной с индустриализацией общества, стали изменения в сторону индивидуализации, роста личностной автономии и важности персональных достижений в рамках капиталистической экономики (Inkeles, Smith, 1974). Хотя сегодня идея модернизации не пользуется широким консенсусом среди исследователей и не объединяет вокруг себя большое количество сторонников (Brubaker, 2015), ее отдельные аспекты часто используются для описания и объяснения различных общественных кризисов, таких как прекаризация труда, снижение рождаемости, рост социального неравенства, экологические кризисы, рост технологической зависимости и социальной атомизации. При этом разные варианты теории модернизации предлагают неодинаковые версии происхождения этих кризисов. В основе расхождений – место традиционных ценностей в современных обществах. Если, например, марксизм описывает модернизацию как однозначный отказ от традиционных ценностей, то, например, новый институционализм видит возможность сохранения традиционных ценностей даже в тех обществах, которые перешли к организации хозяйствования, характерной для современности (Inglehart, Baker, 2000).

Теорию модернизации можно и, безусловно, следует рассматривать как научную теорию в постпозитивистском, философском смысле. В качестве объяснительной меры модель модернизации характеризовалась следующими идеально-типичными чертами:

1. Общества рассматривались как согласованные организованные системы, подсистемы которых тесно взаимосвязаны.
2. Общества разделены на два типа социальных систем: традиционные и современные.
3. Понятие «модерн» определено применительно к социальной организации и культуре специфически западных обществ, которые характеризуются как индивидуалистические, демократические, капиталистические, научные, светские и стабильные, а также как разделяющие работу и дом с учетом гендерных особенностей.
4. Как исторический процесс, модернизация рассматривается как эволюционное, постепенное изменение.

Важной чертой такого понимания обществ и их модернизации является предположение, что существуют функциональные, а не просто идеалистические потребности, которые подталкивают социальные системы к демократии, рынкам и универсализации культуры и что сдвиги в сторону «современности» в любой подсистеме создают значительное давление на другие подсистемы, вынуждая их реагировать взаимодополняющим образом (Parsons, 1964).

Центральное утверждение теории модернизации состоит в том, что экономическое развитие связано с последовательными и, в некоторой степени, предсказуемыми изменениями в культуре, социальной и политиче-

ской жизни. У этого тезиса существует ряд эмпирических оснований: данные, полученные со всего мира, свидетельствуют о том, что экономическое развитие движет общество в относительно предсказуемом направлении: индустриализация ведет к профессиональной специализации, повышению уровня образования, доходов и, в конечном счете, к непредвиденным изменениям – изменению гендерных ролей, отношения к власти и сексуальных норм; снижению уровня рождаемости; унификации политических институтов (Inglehart, Baker, 2000).

Однако подобная интерпретация истории и будущего общества оказывается не единственной возможной точкой зрения. Если в контурах теории модернизации традиционные ценности подчиняются процессу унификации, то противники этой позиции считают, что даже в наиболее «модернизированных», капиталистических и индустриализированных странах ценности и традиции не перестают влиять на общественные институты (Вебер, 1990). Роберт Патнэм показывает, что регионы Италии, в которых сегодня наиболее успешно функционируют демократические институты, – это те, в которых гражданское общество было относительно хорошо развито еще до Рисорджименто (Putnam, 1993). Гари Гамильтон утверждает, что, хотя капитализм стал почти универсальным образом жизни, цивилизационные – в том смысле, как это слово использует Самюэль Хантингтон – факторы продолжают влиять на организацию экономик и обществ: «То, что мы наблюдаем с развитием глобальной экономики, – это не растущее единообразие в форме универсализации западной культуры, а скорее продолжение цивилизационного разнообразия посредством активного переосмысления и реинкорпорации западных цивилизационных моделей» (Hamilton, 1994: 184). Питер Майр в ходе анализа политических предпочтений и электорального поведения граждан различных европейских стран отмечает растущую тенденцию к евроскептицизму – критическому отношению к процессам европейской интеграции и институтам ЕС (Майр, 2022). Эта тенденция проявляется в нескольких аспектах: в частности, наблюдается усиление националистической риторики, при которой политические лидеры все чаще апеллируют к национальной идентичности и суверенитету.

Важнейший аргумент, который демонстрирует неоднозначное влияние модернизации на традиционные ценности, можно обнаружить в исследовании Рональда Инглхарта (Inglehart, Baker, 2000), основанном на данных Всемирного исследования ценностей. Валлерстайн и его коллеги утверждают, что влияние традиционных ценностных систем вряд ли исчезнет полностью, учитывая их удивительную историческую устойчивость. Эмпирические данные, собранные в 65 странах, свидетельствуют о том, что ценности подвержены изменениям, но продолжают отражать культурное наследие каждого общества. Протестантские, православные, исламские или конфуцианские традиции формируют уникальные культурные зоны с отличительными ценностными системами, которые сохраняются даже при учете экономического развития.

Еще в 70-е годы XX века Толкотт Парсонс утверждал, что

за идеологическими конфликтами [между капитализмом и коммунизмом в лице Запада и СССР], которые были столь заметны, намечился важный элемент очень широкого консенсуса на уровне ценностей, сосредоточенный в процессе, который мы часто называем «модернизацией» <...> Очевидно, что окончательная победа любой из сторон [капиталистического или социалистического лагеря] – не единственный возможный выбор. У нас есть другая альтернатива, а именно – возможная интеграция обеих сторон в более широкую систему правопорядка (Parsons, Toby, 1977: 474).

Эта идея Парсонса о возможном синтезе капиталистической и коммунистической систем представляет особый интерес в контексте современной России. После распада СССР Россия прошла через сложный период трансформации, пытаясь найти свой путь между наследием советского прошлого и новыми рыночными реалиями. Ответом, транслируемым государством, судя по всему, становится еще один виток консервации ценностей российского общества.

Чтобы исследовать этот вопрос, было решено обратиться к молодому поколению россиян, активно участвующем в формировании будущего страны. Идеальной площадкой для такого исследования стал Всемирный фестиваль молодежи 2024 года, который собрал активных молодых людей со всего мира, в том числе и из России. Этот фестиваль предоставил уникальную возможность для изучения взглядов молодежи на вопросы глобального развития, международного сотрудничества и их согласия с теми или иными ценностями, которые Россия декларирует как приоритетные основания общественной солидарности. Кроме того, это позволит ответить на вопрос: насколько традиционные ценности, которые, на первый взгляд, стали игнорироваться после распада СССР, являются близкими для современных молодых людей, ориентированных на личный успех, автономию, карьерную мобильность, обеспеченность и современные формы развлечений.

С нашей точки зрения, исследование мнений этих молодых людей может помочь понять, насколько успешным является государственные усилия по формированию общего ценностного пространства. Оно также может дать представление о том, насколько молодые люди могут являться медиаторами традиционных ценностных ориентации для остальных категорий молодых людей.

Эмпирическая база исследования

Эмпирической базой исследования выступают количественные и качественные данные, собранные во время и сразу после Всемирного фестиваля молодежи, проведенного в начале марта 2024 года.

Количественные данные были получены по результатам онлайн опроса. Ссылка на онлайн анкету для самозаполнения была направлена в личный кабинет всех участников мероприятия на следующий день после его окончания. Опросник был доступен для заполнения в течение двух недель. Всего в опросе приняли участие 1427 молодых россиян, что составляет около 14% от всех участников фестиваля из России. Таким образом, полученная выборка является типичным примером выборки добровольцев, то есть интерпретация ее результатов должна быть ограничена су-

ждениями только о той группе людей, которые и приняли участие в опросе.

Массив качественных данных представляет собой результаты 127 полустандартизированных интервью, проведенных с участниками фестиваля из России непосредственно на площадке мероприятия в режиме «лицом к лицу». Респондентам предлагалось принять участие в интервью в обмен на неденежное вознаграждение. Длительность интервью сильно варьировалась. Самые короткие интервью занимали около 10 минут, тогда как самые длинные – более часа.

Содержательно структура анкеты и сценарий проведения интервью по многом пересекались и включали в себя вопросы о биографии респондента, причинах участия в фестивале, оценке мероприятий фестиваля, установок по отношению к России, ценностях, профессиональных и карьерных планах. Ключевой для данной статьи вопрос о традиционных ценностях в анкете для онлайн опроса задавался в следующей формулировке: «Какие ценности сегодня наиболее актуальны в российском обществе?» В ходе ответа респонденты должны были оценить список из 16 ценностей по шкале от 1 до 5, где 1 – совсем не актуальны, а 5 – очень актуальны. Для каждой ценности можно было также выбрать вариант «затрудняюсь ответить» (далее в статье представлены распределения после удаления кейсов, содержащих «затрудняюсь ответить»; объем выборки после удаления этих кейсов – 1365 респондентов). Список оцениваемых ценностей была составлен на основе Указа Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и представлен в таблице 1.

Таблица 1. Оцениваемые респондентами ценности

Table 1: Values assessed by respondents

Жизнь
Единство народов России
Достоинство человека
Историческая память и преемственность поколений
Патриотизм
Взаимопомощь и взаимоуважение
Крепкая семья
Права и свободы человека
Гражданственность
Служение Отечеству и ответственность за его судьбу
Созидательный труд
Милосердие
Справедливость
Гуманизм

Коллективизм
Приоритет духовного над материальным

В ходе качественных интервью список ценностей не показывался и не назывался респондентам. В каждом интервью респондентам предлагалось самим сформулировать, какие ценности они считают традиционным. В ходе последующей беседы обсуждались интерпретации и аттитюды к названным ценностям. Несмотря на такие различия в стратегиях количественных и качественных интервью, набор ценностей, мнения о которых высказывались респондентами, в целом сопоставим.

Активная молодежь об актуальности традиционных ценностей

Молодые люди из России, принявшие участие во Всемирном фестивале молодежи 2024 года, то есть являющиеся в определенном смысле авангардом общественно активной молодежи страны, в целом демонстрируют довольно высокий уровень принятия традиционных ценностей, обозначенных в Указе № 809. Абсолютное большинство респондентов (более 80%) поддерживают общечеловеческие ценности, среди которых особенно выделяется ценность жизни (88%). Сравнительно менее актуальными, по мнению опрошенной молодежи, являются ценности коллективизма (71%) и приоритета духовного над материальным (69%).

Таблица 2. Доля респондентов, оценивших актуальность ценностей на 4 и 5 баллов (% , N=1365)

Table 2. Percentage of respondents who rated the relevance of values on 4 and 5 points (% , N=1365)

Ценность	Доля оценивших респондентов, %
Жизнь	88
Единство народов России	85
Достоинство человека	84
Историческая память и преемственность поколений	84
Патриотизм	84
Взаимопомощь и взаимоуважение	83
Крепкая семья	83
Права и свободы человека	81
Гражданственность	81
Служение Отечеству и ответственность за его судьбу	80
Созидательный труд	80
Милосердие	80
Справедливость	80
Гуманизм	79

Ценность	Доля оценивших респондентов, %
Коллективизм	71
Приоритет духовного над материальным	69

Проведенные интервью позволяют предположить, что типичный способ осмысления государственного нарратива о традиционных ценностях для молодежи – помещение их в общегуманитарный контекст. Традиция начинает рассматриваться как необходимая связь с прошлыми поколениями, инструмент приобщения к истории и способ социокультурного воспроизводства. При этом именно ценность воспроизводства описывается молодыми людьми как одна из ключевых, что проявляется, например, в широком использовании категории «семья» в обоснованиях актуальности традиционных ценностей, разворачиваемых респондентами в интервью.

Конечно, самая главная ценность – это семья, это самое главное в жизни человека. И традиция тоже в первую очередь связана с семьей, потому что семья и есть хранитель традиции (Информант № 1)

Семья объединяет все ценности. Это и любовь к Родине, это и любовь к родителям, любовь к детям. Поэтому это, скорее всего, важнее всего (Информант № 2)

Не знаю, какие еще можно назвать традиционные ценности – семья только в голову приходит, потому что это самое главное, а ценности там дружбы, взаимопонимания, честности и так далее, ну они не традиционные, это просто ценности главные (Информант № 4)

Вместе с тем, ценности индивидуального успеха и верности традициям, судя по интервью, не являются для молодежи взаимоисключающими. С одной стороны, информанты высоко ценят возможности для личностного роста, самореализации и построения успешной карьеры. К слову, эти жизненные ориентиры тоже часто называются в контексте семьи и описываются как необходимые условия для ее создания. С другой стороны, ценности дружбы, включенности в сообщество и ценность брака занимают важное место в их системе приоритетов.

Конечно, я очень хочу детей, хочу семью, но это только после того, как я получу образование <...> образование и карьера необходимы, чтобы создать условия приемлемые, уровня жизни достигнуть, амбиции какие-то свои реализовать <...> так что я не думаю, что семья как-то может противоречить карьере, просто одно после другого следует (Информант № 3)

Иными словами, «народные теории» традиционных ценностей, используемые молодежью для их осмысления, ближе к тем теориями модернизации, которые допускают переход к современным способам хозяйствования (доминирование свободных рынков, конкуренция и пр.) при сохранении традиционного уклада в других сферах. Это же может объяснить сравнительно невысокую степень актуальности, назначенную молодыми людьми в ходе опроса таким ценностям, как коллективизм и приоритет духовного над материальным: в предложенных формулировках эти ценности явным образом ассоциированы именно со сферой экономики и хозяйства.

Шкала оценки ценностей Указа № 809 («Шкала 809»)

Для формирования интегрального показателя, отражающего степень общей актуальности традиционных ценностей из Указа № 809 (далее – «Шкала 809»), мы отнесли к оценкам респондентов как к баллам, а затем суммировали их для каждого респондента. Так как по пятибалльной шкале всего оценивалось 16 ценностей, каждый респондент мог набрать от 16 (в случае, если все ценности были сочтены совсем не актуальными) до 80 баллов (если все ценности получили оценку «очень актуальны»). Минимальное значение, зафиксированное на рассматриваемой выборке – 41, максимальное – 80. Далее мы разделили выборочную совокупность на три группы, отнесенные к разным категориям разработанной шкалы: апологеты ценностей, обозначенных в Указе (76 и более баллов; респонденты, отнесенные к этой категории, дали большинству ценностей наивысшую оценку актуальности), лоялисты (от 59 до 75 баллов – респонденты, которые в основном оценивали актуальность ценностей на 4 или 5) и сомневающиеся (менее 58 баллов; актуальность некоторых ценностей оценена ниже, чем на 4, и меньше половины ценностей получили наивысшую оценку актуальности).

Таким образом, около половины выборки были отнесены к апологетам традиционных ценностей, обозначенных в Указе. Более трети попали в категорию лоялистов, остальные 12% отнесены в группу сомневающихся (таблица 3).

Таблица 3. Определение категорий «Шкалы 809»

Table 3: Definition of “Scale 809” categories

Категория	Сумма баллов	%
Апологеты	76-80	51
Лоялисты	59-75	37
Сомневающиеся	58 и менее	12

Названия категорий выбраны в соответствии с тремя типами позиций по отношению к традиционным ценностям, зафиксированными в ходе качественных интервью. Первый тип – активная поддержка – содержит в своей основе представление о том, что традиционные ценности критично важны для воспроизводства национальной культуры и требуют защиты, так как у них есть враги или угрозы. Хотя описания этих угроз часто размыты, именно их наличие оказывается в центре характерных для этого типа стратегий аргументации.

В современных условиях именно на наши ценности существуют нападки, потому что другие страны не согласны с ними, поэтому важно отстаивать то, что мы считаем правильным, наши, российские ценности, которые являются нашей традицией <...> они обеспечивают связь с нашим прошлым, с тем, что делали наши предки (Информант № 5)

Второй тип – умеренная поддержка, или лояльность, – представлен молодыми людьми, считающими, что в целом концепция традиционных ценностей, представленная государственным нарративом, является

движением «за все хорошее». Само слово «традиция» в данном контексте определяется позитивно, но как данность, то есть как что-то, не требующее специальной поддержки.

Ну традиционные ценности – они же в большей степени просто ценности, это просто то, к чему стоит стремиться, как следует свою жизнь устраивать, чтобы, условно, стыдно не было, и не против этого, вообще нет <...> в первую очередь государство топит за них, хотя, честно говоря, трудно сказать, насколько это успешно все будет, как можно всех сделать «хорошими людьми» (Информант № 6)

Наконец, третий тип – сомневающиеся – характерен для молодых людей, которые в целом не являются противниками традиционных ценностей, но находят отдельные противоречия в их интерпретациях и в их переложении в плоскость повседневной жизни и повседневных взаимодействий. Отталкиваясь от данных интервью, можно предположить, что контур этих противоречий обозначается рядом смысловых оппозиций, среди которых: 1) новые технологии/традиционный уклад, 2) интересы общества/самореализация, 3) глобальное развитие/свой путь.

Я считаю, что моя карьера, мое благополучие – оно все же более важное, потому что это все про мои достижения, мой труд и мои старания. Я хочу сама свою жизнь определять и... ну... я с трудом понимаю, что такое традиционные ценности, почему они должны быть важными для меня. У меня есть семья, я ее люблю, окей, но почему это нужно считать и называть именно «традиционными ценностями»?

Интересно, что эти оппозиции коррелируют с рядом теоретических дискуссий вокруг модернизации как таковой и модернизационных процессов в истории России, которые мы кратко обозначили в первой части статьи. Вероятно, дальнейшее развитие государственного нарратива о традиционных ценностях может быть усилено активной апелляцией к этим теоретическим дискуссиям и частичным заимствованием логик обоснования тех или иных позиций.

Связь между восприятием традиционных ценностей и установками по отношению к России

Результаты опроса показывают, что отношение молодых людей к традиционным ценностям связано с их мнениями о положении России и установками на активную деятельность в стране (таблицы 4–6).

Если говорить об установках в отношении страны, то эта связь описывается следующим правилом: чем более актуальными для общества респондент считает ценности Указа № 809, тем позитивнее его оценки положения России. Так, среди апологетов доля тех, кто считает, что Россия сегодня – неотъемлемая часть мирового сообщества, составляет 97%, среди лоялистов – 81%, а среди сомневающихся – 74%. Еще больше различия наблюдаются для высказывания «Россия открыта для молодёжи всех стран, приветствует новые идеи, заботится о будущих поколениях»: апологеты – 96%, лоялисты – 75%, сомневающиеся – 62%. Аналогичная тенденция фиксируется и для двух других высказываний о России, согласиться или не согласиться с которыми предлагалось респондентам (таблица 4).

Таблица 4. Доля респондентов, согласных со следующими высказываниями о России в разрезе по категориям шкалы 809 (%)

Table 4. Share of respondents agreeing with the following statements about Russia by scale category 809 (%)

Высказывание	Апологеты	Лоялисты	Сомневающиеся
Россия сегодня – неотъемлемая часть мирового сообщества	97	81	74
Россия открыта для молодёжи всех стран, приветствует новые идеи, заботится о будущих поколениях	96	75	62
Россия – страна возможностей не только для молодых россиян, но и для молодых людей из других стран	92	65	59
Россия выступает за мир и равноправие в международном сообществе	94	66	54

Оценка актуальности ценностей Указа связана и с самоидентификацией себя в качестве патриота, однако различия здесь фиксируются только между апологетами и остальными группами: доля респондентов, которые безусловно относят себя к патриотам России, в группе апологетов на 25% больше, чем в группах лоялистов и сомневающихся. Различаются и представления о том, что значит быть патриотом своей страны. Среди апологетов сравнительно меньше тех, кто ассоциирует патриотизм со стремлением изменить положение дел в стране для того, чтобы обеспечить ей достойное будущее. Одновременно с этим в этой группе сравнительно больше тех, кто связывает патриотизм с преданностью своему народу и государству, а также с готовностью защищать свою страну от любых нападков и обвинений.

Таблица 5. Доля респондентов, безусловно считающих себя патриотами в разрезе по категориям шкалы 809 (%)

Table 5. Share of respondents who definitely consider themselves patriots by categories of scale 809 (%)

Категория	%
Апологеты	83
Лоялисты	58
Сомневающиеся	58

Наконец, мы фиксируем, что апологеты, лоялисты и сомневающиеся отличаются друг от друга распространенностью планов на получение высшего образования, на работу, на участие в волонтерских проектах и на развитие собственного бизнеса в России. За исключением планов по развитию предпринимательского проекта здесь снова действует правило: чем выше респонденты оценивают актуальность традиционных ценностей, тем больше вероятность, что они планируют какое-либо активное действие в России.

Таблица 6. Доля респондентов, имеющих следующие планы в разрезе по категориям шкалы 809 (%)

Table 6: Percentage of respondents with the following plans by categories of scale 809 (%)

Планы	Апологеты	Лоялисты	Сомневающиеся
Получить высшее образование в России	66	56	40
Работать в России	81	76	67
Участвовать в волонтерских проектах в России	55	39	34
Развивать коммерческий предпринимательский проект	35	23	26

Полученные результаты позволяют предположить, что отношение к традиционным ценностям и их актуальности среди активной молодежи тесно переплетено с общей оценкой положения дел в стране и государственной политики. Те, кто поддерживает одно, с большей вероятностью поддерживает и другое. Одна из механик этой взаимосвязи описывается частью респондентов в качественных интервью. По словам некоторых участников фестиваля, они не задумывались о концепте традиционных ценностей в отрыве от соответствующего государственного нарратива. Иными словами, представления о традиционных ценностях могут в значительной мере формироваться в ответ на посыл со стороны государства, а оценка актуальности ценностей, в свою очередь, зависит от того, насколько непротиворечиво и адекватно повседневности молодежи этот посыл был сформирован.

Заключение

Результаты исследования показывают, что традиционные ценности продолжают играть значимую роль в мировоззрении активной части российской молодежи. Это имеет важные импликации для понимания культурной динамики в современной России и потенциальных направлений ее развития.

Следует обратить внимание на потенциал продвижения идеи традиционных ценностей среди молодого поколения россиян. Это может свиде-

тельствовать о том, что, несмотря на глобализацию и влияние западной культуры, существует устойчивая тенденция к сохранению и даже возрождению традиционных культурных паттернов. Однако здесь возникает важный вопрос: что именно подразумевается под «традиционными ценностями»? Неопределенность в понимании идеи «традиционные ценности» указывает на возможный пробел в коммуникационной стратегии государства. Это создает риск разночтений и потенциальных конфликтов интерпретаций между различными группами общества.

Одобрение традиционных ценностей сохранилось даже после распада Советского Союза. Это наблюдение подтверждает гипотезу о глубоких культурных корнях, которые трудно изменить даже при радикальных социально-политических трансформациях. Консервативный поворот, наблюдаемый в современной России, по-видимому, находит отклик среди молодежи, что может свидетельствовать о преемственности культурных паттернов между поколениями. Однако было бы ошибкой рассматривать ориентацию на традиционные ценности как единственную тенденцию среди российской молодежи. Наши данные также показывают, что ценности современности – такие как ориентация на карьеру, личный успех и признание – остаются актуальными для молодых людей. Это создает динамику, где традиционные и современные ценности сосуществуют, формируя уникальный культурный ландшафт. Анатолий Вишневецкий назвал это «соборными» ценностями: ориентацию на коллектив, его единство и преемственность. Это оказывается мостом между традиционными и современными ценностями, где индивидуальные стремления не полностью вытесняют коллективистские ориентации.

Сочетание традиционных и современных ценностей способно порождать как вызовы, так и возможности для российского общества. Этот дуализм может способствовать сохранению культурной самобытности в эпоху глобализации, но в то же время вызывать напряженность между различными ценностными ориентациями, требуя новых подходов к социальной и молодежной политике. Важно отметить, что эти тенденции могут различаться в зависимости от региона, социально-экономического статуса и других факторов. Дальнейшие исследования могут более детально проанализировать эти вариации, что поможет составить более полную картину ценностных ориентаций российской молодежи. В целом, полученные результаты подчеркивают сложность и многогранность культурной динамики в современной России. Они указывают на необходимость более глубокого понимания взаимодействия традиционных и современных ценностей, а также на важность разработки более четкой и конкретной коммуникационной стратегии в отношении культурных ценностей, особенно при работе с молодежью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ориентализм русского марксизма и его отличие от европейского – слишком обширная тема для того, чтобы мы пристально останавливались на ней (см.: Бердяев, 1990: 89).

² Намного более «модернистской» Советская Россия была для Запада. Дипломатия нового государства прикладывала огромные усилия для того, что выпукло показать все преимуще-

щества социалистического общества для стран всего мира и особенно – Запада (Дэвид-Фокс, 2015). Подобная политика, направленная на создание образа прогрессистского, современно-го государства, которое идет во главе всех самых современных и справедливых идей, была актуальной для Советского Союза на всем этапе его существования (Edele, 2008).

³Мы лишь вновь можем отослать к статье А. Вишневого, который достаточно подробно отразил этот этап российской истории.

⁴Перепись 1937 г. сразу была признана «вредительской», так как полученные данные слабо соотносились с видением руководства СССР. В контексте того, что вопрос о религии задавался в активной фазе политического и религиозного террора, полученные данные смело можно опаривать в сторону занижения реальных показателей. В пользу этой точки зрения говорит также и то, что вопрос о конфессиональной принадлежности был добавлен по инициативе Сталина и предполагал конкретные ожидания «заказчиков» (Жиромская, Поляков, Киселев, 1990).

ЛИТЕРАТУРА

Абакумов А. А., Кузин Н. П., Пузырев Ф. И., Литвинов Л. Ф. (1974). Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: сб. документов. 1917–1973 гг. М.: Педагогика.

Бердяев Н. А. (1990). Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука.

Вебер М. (1990). Протестантская этика и дух капитализма // *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс. С. 61–272.

Вишневецкий А. Г. (1996). Консервативная революция в СССР // *Мир России. Социология. Этнология.* Т. 5. № 4. С. 3–66.

Всесоюзная перепись населения 1937 года. Краткие итоги, 2022 г. URL: <https://www.statmuseum.ru/ru/results/1937/vsesoyuznaya-perepis-naseleniya-1937-goda-kratkie-itogi/> (дата обращения: 03.07.2024)

Дэвид-Фокс М. (2015). Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М.: Новое литературное обозрение.

Жиромская В. Б., Поляков Ю. А., Киселев И. Н. (1990). Полвека молчания (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) // *Социологические исследования.* № 6. С. 3–25.

Ионин Л. Г. (2010) Апдейт консерватизма. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Ионин Л. Г. (2004). Социология культуры. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Лебедева Н. М., Татарко А. Н. (2007). Ценности культуры и развитие общества. М.: ИД ГУ-ВШЭ.

Лебедева Н. М., Ясин Е. Г. (2009). Культура и инновации: к постановке проблемы // *Форсайт.* Т. 3. № 2. С. 16–26.

Левада Ю. А. (1993). Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х. М.: Мир, Океан.

Ленин В. И. (1981). Детская болезнь «левизны» в коммунизме // *Ленин В. И. Полное собрание сочинений.* Т. 41. Издательство политической литературы «Москва».

Майр П. (2022). Управляя пустотой. Размывание западной демократии. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.

Матвеева С. Я., Федотова В. Г. (1994). Модернизация в России и конфликт ценностей. М.: Изд-во ИФ РАН.

Послание Президента Российской Федерации от 12.12.2013 г. б/н (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства) (2013). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38057> (дата обращения: 03.07.2024)

Сгибнева О. И. (2003). Хранители исторической памяти: судьба памятника – судьба поколений // Социология власти. № 2. С. 131–140.

Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (2022). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 03.07.2024)

Устав Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи (1962). URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Устав_ВЛКСМ_\(1962\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Устав_ВЛКСМ_(1962)) (дата обращения: 03.07.2024).

Фицпатрик Ш. (2018). Русская революция. М.: Изд-во Института Гайдара.

Шкаровский М. В. (1999). Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье.

Ядов В. А. (1991). Ценности в кризисном социуме // Психологический журнал. Т. 12. № 6. С. 154–167.

Ясин Е. (2003). Модернизация экономики и система ценностей // Вопросы экономики. № 4. С. 4–36.

Alexander J. C. (1995) Modern, Post, Anti, and Neo: How Intellectuals Have Interpreted the Crisis of «Our Times» // *Alexander J. C. (ed.)*. Fin-de-Siècle Social Theory: Relativism, Reduction, and the Problem of Reason. London: Verso. P. 6–64.

Brubaker R. (2015). Grounds for difference. Harvard University Press.

Edele M. (2008). Soviet Veterans of the Second World War: A Popular Movement in an Authoritarian Society, 1941–1991. Oxford: Oxford University Press.

Fitzpatrick S. (2015). On Stalin's Team: The Years of Living Dangerously in Soviet Politics. Princeton University Press.

Gurian W. (1948). Thirty Years of the Soviet Regime // The Review of Politics. Vol. 10. № 1. P. 3–12.

Hamilton G. G. (1994). Civilizations and Organization of Economies // *Smelser N. J., Swedb R.* The Handbook of Economic Sociology. Princeton (NJ): Princeton Univ. Press, 1994. P. 183–205.

Inglehart R., Baker W. E. (2000). Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review. Vol. 65. № 1. P. 19–51.

Inkeles A., Smith D. H. (1974). Becoming Modern: Individual Change in Six Developing Countries. Harvard: Harvard University Press.

Marianna M. (2014). Traditional Values and Modern Families: Legal Understanding of Tradition and Modernity in Contemporary Russia // Журнал исследований социальной политики. Т. 12. № 4. С. 625–638.

Marsh R. M. (2014). Modernization Theory, Then and Now // Comparative Sociology. Vol. 13. № 3. P. 261–283.

Nisbet R. (2017). Sociology as an Art Form. New York: Routledge.

Parsons T. (1964). Evolutionary Universals in Society // American Sociological Review. Vol. 23. № 3. P. 339–357.

Parsons T., Toby J. (1977). The Evolution of Societies. NJ: Prentice-Hall.

Putnam R. (1993). Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton (NJ): Princeton University Press.

Renaissance of Tradition: Reception of Traditional Values by Active Youth of Russia

Ivan Gruzdev

Director for Internal Monitoring and Student Academic Development.

Director of Centre of Sociology of Higher Education.

HSE University (Moscow).

11 Pokrovsky Boulevard, Moscow, 109028, Russian Federation.

E-mail: davydovdmiriy90@gmail.com

Sergey Startsev

Leading Analyst at the Center of Internal Monitoring.

HSE University (Moscow).

11 Pokrovsky Boulevard, Moscow, 109028, Russian Federation.

E-mail: sstartsev@hse.ru

Abstract. This study is devoted to the analysis of the perception of traditional values by the active youth of Russia. The authors consider the historical continuity of traditional values in Russian society, starting from the Soviet period and ending with modernity. Based on quantitative and qualitative data collected during the World Youth Festival 2024, the attitude of young people to traditional values outlined in Presidential Decree No. 809 is being investigated. The results show that the majority of respondents support these values, and the degree of support correlates with a positive perception of Russia's position in the world and patriotic sentiments. The authors identify three groups of young people in relation to traditional values: apologists, loyalists and doubters. The study reveals that young people do not oppose traditional values and the pursuit of personal success, but rather integrate them. In conclusion, the importance of further studying the interaction of traditional and modern values in Russian society and the need to develop a clear communication strategy regarding cultural values when interacting with young people is emphasized.

Keywords: traditions, traditional values, youth, youth studies

For citation: Gruzdev I. A., Startsev S. V. (2024). Renaissance of Tradition: Reception of Traditional Values by Active Youth of Russia // *Patria*. Vol. 1. No. 1. P. 70–90.

REFERENCES

Abakumov A. A., Kuzin N. P., Puzyrev F. I., Litvinov L. F. (1974). *Narodnoe obrazovanie v SSSR. Obshcheobrazovatel'naya shkola: sb. dokumentov. 1917–1973 gg.* [Public Education in the USSR. General Education School: Collection of Documents. 1917–1973], Moscow: Pedagogika.

Alexander J. C. (1995) Modern, Post, Anti, and Neo: How Intellectuals have Interpreted the Crisis of «Our Times». *Fin-de-Siècle Social Theory*:

Relativism, Reduction, and the Problem of Reason (ed. by J. C. Alexander), London: Verso, pp. 6–64.

Berdyayev N. (1990). *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Origins and Meaning of Russian Communism], Moscow: Nauka.

Brubaker R. (2015). *Grounds for Difference*, Harvard University Press.

David-Fox M. (2015). *Vitriny velikogo eksperimenta. Kul'turnaya diplomatiya Sovetskogo Soyuza i ego zapadnye gosti, 1921–1941 gody* [Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941], Moscow: Novoeliteraturnoe obozrenie.

Edele M. (2008). *Soviet Veterans of the Second World War: A Popular Movement in an Authoritarian Society, 1941–1991*, Oxford: Oxford University Press.

Fitzpatrick S. (2018). *Russkaya revolyuciya* [The Russian Revolution], Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara.

Fitzpatrick S. (2015). *On Stalin's Team: The Years of Living Dangerously in Soviet Politics*, Princeton University Press.

Gurian W. (1948). Thirty Years of the Soviet Regime. *The Review of Politics*, vol. 10, no. 1, pp. 3–12.

Hamilton G. G. (1994). Civilizations and Organization of Economies. Smelser N. J., Swedb R. *The Handbook of Economic Sociology*, Princeton (NJ): Princeton Univ. Press, 1994, pp. 183–205.

Inglehart R., Baker W. E. (2000). Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values. *American Sociological Review*, vol. 65, no. 1, pp. 19–51.

Inkeles A., Smith D. H. (1974). *Becoming Modern: Individual Change in Six Developing Countries*, Harvard: Harvard University Press.

Ionin L. G. (2004). *Sociologiya kul'tury* [Sociology of Culture], Moscow: ID Vyshej shkoly ekonomiki.

Ionin L. G. (2010). *Apejst konservatizma* [Update of Conservatism], Moscow: ID Vyshej shkoly ekonomiki.

Lebedeva N. M., Tatarko A. N. (2007). *Cennosti kul'tury i razvitie obshchestva* [Cultural Values and Society Development], Moscow: Izd. dom GU VSHE.

Lebedeva N. M., Yasin E. G. (2009). Kul'tura i innovacii: k postanovke problemy [Culture and Innovation: Towards Problem Statement]. *Foresight*, vol. 3, no. 2, pp. 16–26.

Lenin V. I. (1981). Detskaya bolezn' «levizny» v kommunizme [The Infantile Disorder of «Leftism» in Communism]. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works], vol. 41, Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.

Levada Yu. A. (1993). *Sovetskij prostoj chelovek: opyt social'nogo portreta na rubezhe 90-h* [Soviet Ordinary Man: Experience of a Social Portrait at the Turn of the 90s], Moscow: Mir, Okean.

Mair P. (2022). *Upravlyaya pustotoj. Razmyvanie zapadnoj demokratii* [Ruling the Void: The Hollowing of Western Democracy], Moscow: Izd-vo In-ta Gajdara.

Marianna M. (2014). Traditional Values and Modern Families: Legal Understanding of Tradition and Modernity in Contemporary Russia. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki*, vol. 12, no. 4, pp. 625–638.

Marsh R. M. (2014). Modernization Theory, Then and Now. *Comparative Sociology*, vol. 13, no. 3, pp. 261–283.

Matveeva S. Ya., Fedotova V. G. (1994). *Modernizaciya v Rossii i konflikt cennostej* [Modernization in Russia and the Conflict of Values], Moscow: Izd-vo IF RAN.

Nisbet R. (2017). *Sociology as an Art Form*, New York: Routledge.

Parsons T. (1964). Evolutionary Universals in Society. *American Sociological Review*, vol. 23, no. 3, pp. 339–357.

Parsons T., Toby J. (1977). *The Evolution of Societies*, NJ: Prentice-Hall.

Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 12.12.2013 g. b/n (O polozhenii v strane i osnovnyh napravleniyah vnutrennej i vneshnej politiki gosudarstva) [Address of the President of the Russian Federation from 12.12.2013 (On the Situation in the Country and the Main Directions of Domestic and Foreign Policy of the State)] (2013). Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38057> (accessed 3 July 2024).

Putnam R. (1993). *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*, Princeton (NJ): Princeton University Press.

Sgibneva O. I. (2003). *Hraniteli istoricheskoy pamyati: sud'ba pamyatnika – sud'ba pokolenij* [Keepers of Historical Memory: The Fate of the Monument – The Fate of Generations]. *Sociologiya vlasti*, no. 2, pp. 131–140.

Shkarovskij M. V. (1999). *Russkaya pravoslavnaya cerkov' pri Staline i Hrushcheve* [Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev], Moscow: Krutickoe Patriarshee Podvor'e.

Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.11.2022 g. № 809 Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sohraneniyu i ukrepleniyu tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej [Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809 On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values] (2022). Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (accessed 3 July 2024).

Ustav Vsesoyuznogo leninskogo kommunisticheskogo soyuza molodezhi (1962) [Charter of the All-Union Leninist Communist Youth Union (1962)], Available at: [https://ru.wikisource.org/wiki/Устав_ВЛКСМ_\(1962\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Устав_ВЛКСМ_(1962)) (accessed 3 July 2024).

Vishnevskij A. G. (1996). *Konservativnaya revolyuciya v SSSR* [Conservative Revolution in the USSR]. Mir Rossii. *Sociologiya. Etnologiya*, vol. 5, no. 4, pp. 3–66.

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda. Kratkie itogi [All-Union Population Census of 1937. Brief Results] (2022). Available at: <https://www.statmuseum.ru/ru/results/1937/vsesoyuznaya-perepis-naseleniya-1937-goda-kratkie-itogi/> (accessed 3 July 2024).

Weber M. (1990). *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works], Moscow: Progress, pp. 61–272.

Yadov V. A. (1991). *Cennosti v krizisnom sociume* [Values in a Crisis Society]. *Psichologicheskij zhurnal*, vol. 12, no. 6, pp. 154–167.

Yasin E. (2003). *Modernizaciya ekonomiki i sistema cennostej* [Modernization of the Economy and the System of Values]. *Voprosy ekonomiki*, no. 4, pp. 4–36.

Zhiromskaya V. B., Polyakov Yu. A., Kiselev I. N. (1990). *Polveka molchaniya (Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 g.)* [Half a Century of Silence (All-Union Population Census of 1937)]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 6, pp. 3–25.